

Научная статья

УДК 303 +340

doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-31-38

Николай Андреевич Кузнецов

аспирант

<https://orcid.org/0000-0002-6537-1852>, Nikolay864@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199026, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 22-я линия, д. 7

Правовая мысль Востока в контексте российского общетеоретического правоведения

Аннотация: В статье поднимается проблема ориентализма, проявляющегося в разнице между аксиолого-эпистемологическими подходами к западному и восточному интеллектуальному наследию в российском правоведении. Цель исследования – определить степень правомерности ориенталистского подхода и наметить методологическую базу, которая позволит реализовать потребность отечественной теории права в диалоге с правовой мыслью Востока. Поставленная цель достигается путём ответа на вопросы о возможности, целесообразности и границах равноправного диалога с политико-правовой мыслью Востока в рамках общей теории права. Для доказательства возможности диалога выявляются эпизодические примеры диалогического подхода в отечественном правоведении и выделяются четыре вида целей, с которыми учёные вступают в диалог с правовым наследием Востока: постановка проблемы, критика, реабилитация восточной мысли, обоснование теоретических положений. Для доказательства целесообразности и необходимости диалога с восточной мыслью указывается на принципы научного познания, методологические проблемы современной теории права, примеры влияния восточного интеллектуального наследия на философскую и правовую мысль Запада. Отдельно критически рассматривается применение принципа мультикультурализма, с помощью примеров обращается внимание на богатство и актуальность политико-правового наследия Востока, анализируются факторы, способные затруднить диалог, и предлагаются пути их преодоления. В качестве границ диалога формулируется его цель, отмечается необходимость избегания эклектичного синтеза, некритических заимствований и применения принципа понятийного европоцентризма. Автор использует материалы и наработки, полученные в рамках правоведческих, исторических и философских исследований.

Ключевые слова: диалог культур, европоцентризм, теория права, методологические проблемы, ориентализм, постмодернизм в юриспруденции, правовая мысль

Для цитирования: Кузнецов Н. А. Правовая мысль Востока в контексте российского общетеоретического правоведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 31–38; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-31-38.

Nikolai A. Kuznetsov

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-6537-1852>, Nikolay864@yandex.ru

Saint Petersburg State University

7, 22nd line of Vasilevsky island, Saint Petersburg 199026, Russian Federation

The eastern legal thought within Russian general theoretical jurisprudence

Abstract: The article raises the problem of Orientalism, which manifests itself in the difference between the axiological and epistemological approaches to Western and Eastern intellectual heritage in Russian jurisprudence. The purpose of the study is to determine the degree of legitimacy of the Orientalist approach and to outline the methodological basis that will make it possible to realize the need of the domestic theory of law in a dialogue with the legal thought of the East. The goal is achieved by answering questions about the possibility, expediency and boundaries of an equal dialogue with the political and legal thought of the East within the framework of the general theory of law. To prove the possibility of dialogue, episodic examples of the dialogic approach in domestic jurisprudence are identified and four types of goals are identified for which scientists enter into a dialogue with the legal heritage of the East: problem setting, criticism, rehabilitation of Eastern thought, substantiation of theoretical provisions. To prove the expediency and necessity of a dialogue with Eastern thought, the principles of scientific knowledge, methodological problems of modern theory of law, examples of the influence of the Eastern intellectual heritage on the philosophical and legal thought of the West are pointed out. Separately, the application of the principle of multiculturalism is critically examined, with the help of examples, attention is drawn to the richness and relevance of the political and legal heritage of the East, factors that can hinder dialogue are analyzed, and ways to overcome them are proposed. As the boundaries of the dialogue, its goal is formulated, the need to avoid eclectic synthesis and uncritical borrowings and the application of the principle of conceptual Eurocentrism is noted. The author uses materials and developments obtained in the framework of jurisprudence, historical and philosophical research.

Keywords: dialogue of cultures, eurocentrism, theory of law, methodological problems, orientalism, postmodernism in jurisprudence, legal thought

For citation: Kuznetsov N. A. Legal thought of the East in the context of Russian general theoretical jurisprudence // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 31–38; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-31-38.

Введение

В современной российской юридической литературе нередко появляются призывы отказаться от западоцентризма в научных исследованиях в пользу понимания уникальности, но не универсальности западного восприятия права¹. Более того, А. В. Поляков пишет: «...задача нашего правоведения в XXI в. – продолжить поиск... путей формирования нового, интегрального типа правопонимания..., возникающего на основе диалога всех школ и течений в современном правоведении, как западных, так и восточных»².

Однако пока эти идеи в отечественных общетеоретических трудах удовлетворительно воплощаются лишь в контексте культуральных, антропологических и иных подобных исследований, где западные и незападные практики и ментальные представления о праве выступают объектами изучения для познания правовых

явлений (начало чему положили ещё дореволюционные правоведы) или для демонстрации многоаспектной, плюралистичной и релятивной сущности права (что характерно для постклассики) – не случайно постклассическое правоведение особое внимание уделяет социологическим и антропологическим программам юридических исследований [25, с. 166–181, 302–370, 602–649].

Вместе с тем в области обращения к интеллектуальному наследию наблюдается диспропорция. Если западные доктрины рассматриваются в качестве и объектов изучения в рамках истории политических и правовых учений, и средств решения общетеоретических задач, то достижения восточной философской и политико-правовой мысли чаще выступают в роли объекта сугубо компаративистских и историко-правовых исследований.

В данной работе предпринимается попытка, используя правоведческие, философские и исторические исследования, начать критическое осмысление сложившегося в современной общетеоретической юриспруденции ориентализма, чтобы ответить на вопросы о возможности, целесообразности и пределах равноправного диалога с политико-правовой мыслью Востока в рамках общей теории права. Из трёх форм ориентализма, выделенных Э. В. Саидом [14, с. 8–29], для целей

¹ См., напр.: Ковлер А. И. Антропология права : учебник для вузов. – Москва: Норма, 2002. – 480 с.; Сравнительное правоведение : учебное пособие / под ред. Е. Е. Амплеевой, И. Л. Честнова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2017. – 104 с.

² Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебное пособие. – Москва: Проспект, 2016. – С. 106–107.

настоящей статьи наиболее релевантным представляется понимание ориентализма как стиля мышления, на основе онтологических обобщений различающего Запад и Восток и обуславливающего разницу между аксиолого-эпистемологическими подходами к западному и восточному интеллектуальному наследию в отечественном правоведении. Предлагаемое исследование направлено не на искоренение (как у Э. В. Саида [14, с. 498–521]), а на смягчение ориентализма, с учётом замечаний Э. В. Саида об ошибочности восприятия ориентализма как лжи и абсолютного зла и о неизбежности проведения границы с «другим» [14, с. 12–18]³.

Диалогические подходы к восточной мысли в российском общетеоретическом правоведении

Существуют разные подходы к понятию «диалог» в зависимости от его цели, функций, субъектов⁴ [см., напр.: 15, с. 12–17; 20, с. 370–379, 631–637]. В данной статье под диалогом понимается процесс познания явлений путём обращения на равноправных началах к результатам их осмысления философами и учёными, представляющими разные культуры [3, с. 11–15; 10, с. 32–33].

В современных отечественных работах в рамках теоретизирования встречаются ссылки на восточную политико-правовую мысль, имеющие разные цели.

1. Цель постановки проблемы. Так, А. И. Ковлер цитирует суждение Лао-цзы о негативных последствиях роста законодательства, чтобы далее рассмотреть эту проблему в контексте современности⁵.

2. Критика. Например, В. С. Нерсесянц даёт достаточно глубокую критику легистских учений Шан Яна и Хань Фэя, отмечая как их недостатки, так и достоинства [12, с. 66–83]. В его книге особенно хорошо видна диалогичность, когда он, обращаясь к легисту как к равноправному субъекту диалога, пишет, например: «Но Хань Фэй упускает из виду...» [12, с. 81].

3. Реабилитация восточной мысли. Одна из статей И. Б. Ломакиной специально посвящена демонстрации разнообразия восприятия права путём доказательства достоинств восточных учений и концепций [8]. Эта форма представления восточной мысли, используемая и настоящим исследованием, подробно рассмотрена Э. В. Саидом как «симпатический подход» [14, с. 174–183, 283–310, 398–425], является одновременно частью ориентализма и необходимым способом его переосмысления, для осуществления которого недостаточно ограничиться данной формой описания доктрин Востока: нужно более активно переходить к реализации непосредственного диалога.

4. Обоснование теоретических положений. Например, в статье Д. И. Луковской и И. Б. Ломакиной гносеологический скептицизм абу Хамида аль-Газали рассматривается наравне с другими теориями познания [9], а В. И. Лафитский включает (с последующей критикой) исламскую компаративистику в круг теоретических подходов к целям сравнительного правоведения [7, с. 89–90]. В. С. Нерсесянц в книге «Право и закон» указывал, что он использовал исследованный материал истории политико-правовых учений (а значит, и учения Востока) для общетеоретических выводов [12, с. 3–5, 357–364].

Несмотря на эпизодический характер, наличие таких ссылок показывает принципиальную возможность диалогического обращения к восточному интеллектуальному наследию.

Факторы, обуславливающие необходимость диалога с восточной мыслью

Учитывая наблюдения В. М. Межуева о склонности русских мыслителей предпочитать европейскую мысль в качестве стороны диалога [10, с. 5], первым аргументом в пользу целесообразности и даже необходимости пропорциональной реализации диалога с восточными доктринами выступает требование непредвзятости и полноты научного познания, девизом которого могут служить слова Гуго Сен-Викторского: «Человек, который считает прекрасной свою родную землю, ещё только незрелый новичок; тот, для кого любая почва как родная – уже сильнее; но совершенен лишь тот, для кого весь мир – чужбина» [цит. по: 14, с. 400].

Вряд ли будет правильным, обращаясь к европейскому интеллектуальному наследию, оставлять без внимания повлиявшие на него восточные доктрины. Известно место арабов в средневековой европейской философии: нередко европейские комментарии к Аристотелю представляли собой компиляции арабских комментариев; Марсилиус Падуанский распространил учение аверроизма о вере и разуме на учение о разделении церкви и государства; некоторое влияние испытал и Фома Аквинский [4, с. 263–295, 521–524; 19, с. 13–16, 65, 92–96]. Китайская философия повлияла на метафизические и юнатуристские изыскания Г. Лейбница (призывавшего обратить внимание на китайские этические и политические учения) и Х. Вольфа [15, с. 22–23; 26]. Идеи китайской философии, причём без ссылок на неё как на источник заимствований (что симптоматично), интерпретировали Д. Юм [13, с. 60] и М. Хайдеггер [6, с. 41–49].

Замечено, что чужой опыт осмысливают и перенимают, когда осознают недостаточность собственного [19, с. 16]. Можно утверждать, что современное правоведение живёт с устойчивым ощущением необходимости обновления и дополнения существующей предметно-методологической базы, сглаживания существенных противоречий [см., напр.: 11, с. 6–89, 311–335, 346–365]. Особенно остро состояние «сплошного вопросительного знака» проявляется в постклассическом правоведении, где абсолютизация

³ Кстати, сам Саид в качестве компромисса был согласен, что ориентализм должен если и не исчезнуть, то «частично смягчиться» [14, с. 513–514, 544–545].

⁴ Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1279 с.

⁵ Ковлер А. И. Указ. соч. – С. 1–4.

релятивизма и скептицизма вкупе с охотой за понятиями и открытиями точных и естественных наук нередко приводит к гносеологическому нигилизму, некритическому оправданию любых социальных практик и т. д. [17; 20, с. 48]⁶.

Однако почему оказывается легче заимствовать открытия физики, математики, когнитивистики, чем диалогично осмыслить социогуманитарные достижения восточной философии и науки, хотя, как заметил Р. Эллинсон, последнее доступнее пониманию [22, р. 506]? Странность этого обстоятельства особенно явно видна на фоне имеющегося в правоведении интереса к Востоку: кроме фрагментарных случаев диалога и компаративистских исследований, можно указать на существование немалого числа работ, где исследователь-невостоковед пытается взять на себя функции востоковеда, что без выхода на общетеоретическую проблему становится непродуктивным (например, многочисленные статьи об источниках мусульманского права).

Проблемы диалога с восточной мыслью в свете принципа мультикультурализма

Постулат мультикультурализма, установившийся в правоведении благодаря постклассической науке [20, с. 364–368, 509–515], уже не позволяет при построении теорий, претендующих на универсальность, упускать из вида существование незападных культур, но исследователи выбирают разные стратегии работы с инокультурным материалом.

Одни, исходя из упрощённых обобщений, склонны прямо или косвенно критиковать незападное традиционное правосознание как сугубо иррациональное, заведомо не усматривая в «суггестивных» доктринах Востока ничего полезного для современного теоретика. Такова, например, позиция В. В. Денисенко, опирающегося на выводы М. Вебера: даже предложенная им смена бинарных оппозиций «Восток – Запад» на «иррациональная традиция – рационализм» не отменяет того факта, что признание восточных культур рациональными зависит от освоения ими современных секулярных западных ценностей⁷. Не касаясь спорного вопроса оценки роли иррационального, нужно отметить, что знакомство с русско- и англоязычными востоковедными работами и переводами заставляет усомниться в правомерности характеристики традиционных культур вообще и восточных в частности как иррациональных. Так, значительный теоретический интерес представляют исследования, посвящённые исламским теориям толкования [см., напр.: 2, с. 63–178; 21, р. 95–

185]⁸, показывающие многогранность исламской герменевтики, которую в целом можно отнести к стилю умеренного реализма⁹. Весьма ценны традиционные исламские дискуссии о естественном праве, справедливости, легитимации и роли разума [23; 24]. Учение аналитической юриспруденции дополняется восточными подходами к языку в политико-правовой сфере [см., напр.: 2, с. 77–104; 25, р. 57–150, 196–264, 319–334]. Эти и другие достижения восточной мысли были бы невозможны без рационального использования как герменевтических методов, так и логики, лингвистики, социологических и антропологических методов, что свидетельствует в пользу обоснованности критики некоторых выводов М. Вебера, зависевших (в области изучения ислама) от выводов «старой школы» исламоведения, на недостатки которой также указывают [см., напр.: 14, с. 400–401; 21, р. 37–47; 27, р. 18–30].

Отсюда вытекает необходимость перед оценкой интеллектуального наследия Востока внимательно и с диалогических позиций – а не с точки зрения априорного ориенталистского «объяснительного подхода», описывающего Восток как обобщённый статичный объект по принципу «мышления за другого» с уверенностью в неправоте взглядов, отличающихся от принятой теории [14, с. 13–64], – изучить это наследие по доступным и актуальным материалам. Иной подход ничем не лучше предвзятости И. Канта, отвергнувшего китайскую философию по причине её несоответствия его философским воззрениям [26]. В. С. Стёпин отметил, что нередко восточные идеи, прежде отвергавшиеся как ненаучные, впоследствии реабилитировались соответствующими западными научными открытиями [16, с. 35–37]. Но продуктивно ли поддерживать эту ориенталистскую закономерность?

Другой подход к принципу мультикультурализма – признание инаковости восточной мысли и подчёркивание с помощью отдельных фактов плюралистичности мира [см., напр.: 20, с. 37–38, 364–365]. Но этот подход ведёт к отказу от проблематизации и, в итоге, к деликатному, но ориенталистскому по своей сути отказу от возможности рассмотреть имеющееся решение теоретической проблемы, о котором не догадывались, или к иллюзии полноты собственного знания, внешне смягчённой толерантностью по отношению к другим мнениям [14, с. 396–429; 22, р. 511]. Учитывая уже упоминавшиеся затруднения современного правоведения, сомнительно, что мы можем позволить себе остановиться на данном подходе.

Удивительно, но постмодернизм актуализировал ряд вопросов, уже давно обсуждавшихся в рамках традиционной восточной мысли, но не вызывавших на Востоке того интеллектуального кризиса, с которым столкнулись на-

⁶ Я не утверждаю, что синергетика, принцип дополнительности, теорема Гёделя и т. п. априори не подходят правоведению, но соглашаюсь, что недопустимо некритически использовать подобные методы, принципы, понятия. К сожалению, не всегда обоснование их релевантности правоведению удовлетворительно.

⁷ Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2020. – 605 с.

⁸ Данной обширной теме посвящены также многочисленные исследования Л. Р. Сюкияйнена, С. Н. Бизюкова, В. Б. Халляка (Wael B. Hallaq), И. Рабб (Intisar Rabb) и др.

⁹ О стилях судебного толкования см.: [18].

ука и философия Запада и России, внезапно открывшие для себя недостатки классической картины мира. Логично задаться вопросом, как исламское понимание множественности научных мнений [2, с. 182–206], идеи социального конструктивизма ашаритов и некоторых шиитских юристов [23, р. 69–125; 24, р. 95–182; 27, р. 60–84], гносеологический скептицизм [23, р. 116–120], парадоксальный релятивизм «Чжуан-цзы» [25, р. 265–303] сочетались со стремлением к истине и традиционализмом. Думается, обращение к этим и другим концепциям восточных доктрин сможет перебросить мостик между постклассической и классической научной рациональностью, став одним из механизмов реализации проекта неоклассицизма, предложенного Е. В. Тимошиной [17, с. 27–29]. Кстати, В. С. Нерсесянц показал, как обращение к восточной мысли может помочь теоретику обнаружить то, что коренилось в родной традиции, но было забыто [12, с. 28–29].

Факторы, затрудняющие диалог с восточной мыслью

Сущностные различия между западными, восточными и российской правовыми системами могут вызвать сомнения в возможности предлагаемого диалога. Если признать этот довод, то придётся признать и невозможность теорий, дающих универсальное объяснение права. Но нет оснований отказываться от научной традиции создания таких теорий, что подтверждается приведёнными выше примерами, свидетельствующими о наличии общего круга проблем, затрагиваемых отечественными, западными и восточными доктринами и требующих всесторонней концептуализации, невозможной без учёта имеющихся точек зрения¹⁰. Признание культурной обусловленности научных выводов [20, с. 87–118] не препятствует российским учёным вступать в теоретический диалог, например, с Г. Л. А. Хартом или Р. Дворкиным, хотя их теории формировались в условиях семьи общего права, заметно отличающихся от условий российской правовой традиции. Если обратиться, например, к исламоведческим работам, то можно заметить, как исламские юристы, используя конкретные нормы права, сами по себе не представляющие для нас теоретического интереса, предлагали теоретические выводы, уже имеющие значение для отечественного правоведения [см., напр.: 27, р. 87–94, 116–124]. Учитывая культурную обусловленность всех научных теорий, между первым и вторым случаями нет разницы, поэтому отличие восточных правовых традиций от нашей не может восприниматься как препятствие к диалогу.

Применяя метод интроспекции (самонаблюдения), я обнаружил, что обращение к идеям конкретного учёного позволяет легче воспринять его как равноправную сторону диалога,

¹⁰ См.: Ковлер А. И. Указ. соч. – С. 195; Сравнительное правоведение: учебное пособие / под ред. Е. Е. Амплеевой, И. Л. Честнова. – С. 7; а также [11, с. 346–379].

отодвигая на задний план его принадлежность к иной культуре (возможно, поэтому легче вступить в диалог с коллегой Р. Дворкиным, чем с абстрактной сущностью «доктрины англосаксонской правовой семьи»). Отдельные замечания Э. В. Саида подтверждают этот вывод [14, с. 244–246]. Поэтому полезно обращать внимание не только на, безусловно, важные обобщения («конфуцианство», «исламское право» и т. п.), но и на идеи конкретных интеллектуалов (Конфуций, Сюнь-цзы, Дун Чжун-шу, Ли Чжи, аль-Газали, аль-Карафи, ас-Сарахси и др.), что даст более адекватное представление о разнообразии доктрин Востока и будет соответствовать благородной задаче современного правоведения по преодолению бессубъектности правовой мысли и чисто повествовательной формы подачи материала [11, с. 6–7].

Второе возможное препятствие к диалогу – различие типов рациональности. Эта проблема уже обсуждается философами в рамках проекта «География рациональности» [1]. Следует обратить внимание, что даже в российском правоведении сосуществуют классический и постклассический стили научного мышления [17, с. 16–19], что не препятствует их взаимодействию. А. В. Смирнов указывает, что свойственная Западу субстанциональная логика проявляется и в арабской науке и, наоборот, доминирующая в арабском мышлении процессуальная логика проявляется и в европейской рациональности [1, с. 20–23]. Данное замечание позволяет говорить о соотнесённости не только классического и постклассического стилей мышления, но и субстанционального и процессуального мышления (возможно, постклассике даже ближе процессуальная логика [17, с. 21–22]). Действительно, различия типов рациональности не помешали арабам освоить и развить учение Аристотеля, европейцам – воспринять арабские комментарии к нему, а на современном этапе восточным мыслителям – с помощью западного интеллектуального наследия переосмыслить свои традиции, благодаря чему появились такие течения, как новое конфуцианство и исламский неомодернизм. Значит, различия между типами рациональности не препятствуют диалогу.

Риск некорректного использования понятийно-категориального аппарата также не должен закрывать путь к диалогу с восточной политико-правовой мыслью. Во-первых, он будет смягчаться при добросовестном и вдумчивом изучении разъяснений востоковедов, сопоставлении разных вариантов перевода и т. д. Во-вторых, ошибки и неточности неизбежны даже в диалоге континентальной и англосаксонской мысли [13, с. 58–60], что не препятствует ему. Неточности при восприятии европейских понятий не помешали, например, развитию японской философии, а напротив, раскрыли те аспекты этих понятий, которые для европейской мысли были неочевидны [5]. Приемлемость и неизбежность подобных результатов можно подкрепить тезисом Г.-Г. Гадамера о выходе воспринимающей стороны за пределы аутентичного замысла [3, с. 18–19].

Границы диалога

Нужно обозначить и границы предлагаемого диалога с политико-правовой мыслью Востока, учёт которых, думается, позволит отечественной теории права одновременно и повысить свою продуктивность, и не утратить строгих методологических ориентиров.

Целью диалога не может быть создание теории, унифицирующей интеллектуальные достижения всех культур по принципу эклектики или устранения культурных различий [6, с. 40; 15, с. 13–15]. Нужно остерегаться и некритических заимствований наработок восточной мысли (будь то соображения романтического экзотизма или «позитивной дискриминации»), так как это лишь усилит некоторые аспекты ориентализма и не будет иметь познавательной ценности [13, с. 65–67]. Как и в случае диалога с западными доктринами, диалог с Востоком должен быть направлен на объективное и как можно более полное теоретическое познание явлений, а также раскрытие того, что в родной традиции содержится имплицитно или было предано забвению.

Отсюда вытекает ещё один предел диалога: нужно избегать введения в теорию права восточной политико-правовой мысли в одеждах восточных понятий. После уяснения восточных понятий при формулировании собственных тезисов нужно руководствоваться принципом понятийного европоцентризма, но не потому, что только западный понятийно-категориальный аппарат является научным, как полагает А. А. Крушинский [6, с. 35], а потому, что он является нашим научным языком, размывание которого ничего не даст для познания, зато приведёт к той же туманной эквилибристике, с которой

можно столкнуться на примере некритического заимствования понятий физики и математики. Чэд Хансен (Chad Hansen) показал, что даже самые загадочные китайские тексты можно осмыслить на привычном нам языке. Поэтому не нужно абсолютизировать неперевоодимость инокультурных понятий, уходя от раскрытия смысла [12, с. 26–28; 20, с. 500–501]. Кохама Ицуо писал: «Если философствовать на японском языке, то становится хорошо понятно, в чём ошибались Декарт и Хайдеггер» [цит. по: 5, с. 110]. Только если отечественное правоведение будет теоретизировать на своём языке, оно поймёт, в чём были правы или ошибались аш-Шатиби или Хань Юй.

Заключение

Таким образом, отечественное общетеоретическое правоведение нуждается в диалоге с восточными мыслителями, – диалоге, в котором было бы возможно воспринимать их как своих коллег, обоснованно и непредвзято обсуждая с ними общие проблемы и помня при этом, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток» во избежание подмены диалога размыванием культурных границ. Как было показано в настоящем исследовании, такой диалог не станет беспрецедентным явлением для российской теории права, и отечественной науке остаётся лишь более активно развить потенциал предлагаемого диалога, уже заложенный в отдельных правоведческих трудах. Если мы включим политико-правовую мысль Востока в общетеоретический курс, то реализуем одну из задач компаративистики, важность которой вслед за В. А. Тумановым подчёркивают современные учёные – способствовать научному сотрудничеству народов [7, с. 85].

Список литературы

1. Бургете-Аяла М. Р., Герасимова И. А. Понятийный европоцентризм: за и против // *Философские науки*. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 11–33.
2. Вайсс Б. Дж. Дух мусульманского права. – Москва; Санкт-Петербург: Диля, 2008. – 310 с.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – Москва: Искусство, 1991. – 368 с.
4. Жильсон Э. Философия в средние века: от истоков патристики до конца XIV века. – Москва: Культурная революция, Республика, 2010. – 678 с.
5. Карелова Л. Б. К вопросу об универсальности понятийного аппарата современной западной философии: японский кейс // *Философские науки*. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 100–113.
6. Крушинский А. А. Дао сквозь призму логоса: понятийный европоцентризм // *Философские науки*. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 33–53.
7. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. Том первый. – Москва: Статут, 2010. – 429 с.
8. Ломакина И. Б. Политико-правовая традиция Востока: проблема понимания // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2021. – № 1 (89). – С. 17–25.
9. Луковская Д. И., Ломакина И. Б. Проблема определённости правовознания (в контексте эволюции юснатурализма) // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2020. – № 3 (87). – С. 26–32.
10. Межуев В. М. Россия в диалоге с Европой: генезис взглядов на становление российской цивилизационной идентичности // *Социология власти*. – 2007. – № 1. – С. 5–34.
11. *Наука теории и истории государства и права в поиске новых методологических решений* : монография / отв. ред. А. А. Дорская. – Санкт-Петербург: Астерион, 2012. – 483 с.
12. Нерсесянц В. С. Право и закон: Из истории правовых учений. – Москва: Наука, 1983. – 366 с.
13. Парибок А. В., Псху Р. В. Методологические и содержательные аргументы против «понятийного европоцентризма» // *Философские науки*. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 54–69.

14. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – Санкт-Петербург: Русский мир, 2006. – 636 с.
15. Степанянц М. Т. Расширяя горизонты философии и науки (вместо предисловия) / Философия и наука в культурах Востока и Запада / отв. ред. М. Т. Степанянц. – Москва: Наука, Восточная Литература, 2013. – С. 7–27.
16. Стёпин В. С. Научное понимание в социокультурном измерении / Философия и наука в культурах Востока и Запада / отв. ред. М. Т. Степанянц. – Москва: Наука, Восточная Литература, 2013. – С. 28–37.
17. Тимошина Е. В. Классика, постклассика... Неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Известия Высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 4 (315). – С. 6–29.
18. Тимошина Е. В. Методология судебного толкования: критический анализ реалистического подхода // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 72–102.
19. Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. – Москва: Наука, 1976. – 128 с.
20. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. – Санкт-Петербург: АЛЕФ-Пресс, 2012. – 649 с.
21. Ahmad A. A. Structural Interrelations of Theory And Practice in Islamic Law: A Study of Six Works of Medieval Islamic Jurisprudence. – Leiden; Boston: Brill, 2006. – 206 p.
22. Allinson R. A. Complementarity as a Model for East-West Integrative Philosophy // Journal of Chinese Philosophy. – 1998. – Vol. 25. – №. 4. – P. 505–517.
23. Bhojani A.-R. Moral rationalism and Shari'a: independent rationality in modern Shi'a usul al-fiqh. – New York: Routledge, 2015. – 179 p.
24. Emon A. M. Islamic natural law theories. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 222 p.
25. Hansen C. A. Daoist theory of Chinese thought: a philosophical interpretation. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1992. – 448 p.
26. Reihman G. M. Categorically Denied: Kant's Criticism of Chinese Philosophy // Journal of Chinese Philosophy. – 2006. – Vol. 33. – № 1. – P. 51–65.
27. Shabana A. Custom in Islamic Law and Legal Theory: The Development of 'Urf and 'Adah in the Islamic Legal Tradition. – New York: Palgrave Macmillan, 2010. – 246 p.

References

1. Burgete-Ayala M. R., Gerasimova I. A. Ponyatiynyy yevropotsentrizm: za i protiv // Filosofskiyе nauki. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 11–33.
2. Vayss B. Dzh. Dukh musul'manskogo prava. – Moskva; Sankt-Peterburg: Dilya, 2008. – 310 s.
3. Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo. – Moskva: Iskustvo, 1991. – 368 s.
4. Zhil'son E. Filosofiya v sredniye veka: ot istokov patristiki do kontsa XIV veka. – Moskva: Kul'turnaya revolyutsiya, Respublika, 2010. – 678 s.
5. Karelova L. B. K voprosu ob universal'nosti ponyatiynogo apparata sovremennoy zapadnoy filosofii: yaponskiy keys // Filosofskiyе nauki. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 100–113.
6. Krushinskiy A. A. Dao skvoz' prizmu logosa: ponyatiynyy yevropotsentrizm // Filosofskiyе nauki. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 33–53.
7. Lafitskiy V. I. Sravnitel'noye pravovedeniye v obrazakh prava. Tom pervyy. – Moskva: Statut, 2010. – 429 s.
8. Lomakina I. B. Politiko-pravovaya traditsiya Vostoka: problema ponimaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 1 (89). – С. 17–25.
9. Lukovskaya D. I., Lomakina I. B. Problema opredelonnosti pravopoznaniya (v kontekste evolyutsii yusnaturalizma) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (87). – С. 26–32.
10. Mezhu'yev V. M. Rossiya v dialoge s Yevropoy: genesis vzglyadov na stanovleniye rossiyskoy tsivilizatsionnoy identichnosti // Sotsiologiya vlasti. – 2007. – № 1. – С. 5–34.
11. Nauka teorii i istorii gosudarstva i prava v poiske novykh metodologicheskikh resheniy : monografiya / отв. ред. А. А. Дорская. – Санкт-Петербург: Asterion, 2012. – 483 с.
12. Nersesyants V. S. Pravo i zakon: Iz istorii pravovykh ucheniy. – Moskva: Nauka, 1983. – 366 s.
13. Paribok A. V., Pskhu R. V. Metodologicheskiye i sodержatel'nyye argumenty protiv «ponyatiynogo yevropotsentrizma» // Filosofskiyе nauki. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 54–69.
14. Said E. V. Oriyentalizm. Zapadnyye kontseptsii Vostoka. – Sankt-Peterburg: Russkiy mir, 2006. – 636 s.
15. Stepanyants M. T. Rasshiryaya gorizonty filosofii i nauki (vmesto predisloviya) / Filosofiya i nauka v kul'turakh Vostoka i Zapada / отв. ред. М. Т. Stepanyants. – Moskva: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2013. – С. 7–27.
16. Stopin V. S. Nauchnoye ponimaniye v sotsiokul'turnom izmerenii / Filosofiya i nauka v kul'turakh Vostoka i Zapada / отв. ред. М. Т. Stepanyants. – Moskva: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2013. – С. 28–37.
17. Timoshina Ye. V. Klassika, postklassika... Neoklassika: k obosnovaniyu kontrpostmodernistskoy programmy v teorii prava // Izvestiya Vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. – 2014. – № 4 (315). – С. 6–29.
18. Timoshina Ye. V. Metodologiya sudebnogo tolkovaniya: kriticheskiy analiz realistskogo podkhoda // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 72–102.

19. *Uott U. M.* Vliyaniye islama na srednevekovuyu Yevropu. – Moskva: Nauka, 1976. – 128 s.
20. *Chestnov I. L.* Postklassicheskaya teoriya prava. – Sankt-Peterburg: ALEF-Press, 2012. – 649 s.
21. *Ahmad A. A.* Structural Interrelations of Theory And Practice in Islamic Law: A Study of Six Works of Medieval Islamic Jurisprudence. – Leiden; Boston: Brill, 2006. – 206 p.
22. *Allinson R. A.* Complementarity as a Model for East-West Integrative Philosophy // *Journal of Chinese Philosophy*. – 1998. – Vol. 25. – №. 4. – P. 505–517.
23. *Bhojani A.-R.* Moral rationalism and Shari'a: independent rationality in modern Shi'a usul al-fiqh. – New York: Routledge, 2015. – 179 p.
24. *Emon A. M.* Islamic natural law theories. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 222 p.
25. *Hansen C. A.* Daoist theory of Chinese thought: a philosophical interpretation. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1992. – 448 p.
26. *Reihman G. M.* Categorically Denied: Kant's Criticism of Chinese Philosophy // *Journal of Chinese Philosophy*. – 2006. – Vol. 33. – № 1. – P. 51–65.
27. *Shabana A.* Custom in Islamic Law and Legal Theory: The Development of 'Urf and 'Adah in the Islamic Legal Tradition. – New York: Palgrave Macmillan, 2010. – 246 p.

Статья поступила в редакцию 13.06.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 12.10.2022.

The article was submitted June 13, 2022; approved after reviewing October 10, 2022; accepted for publication October 12, 2022.